

Дмитрий Кудрец

**ШИШУНЯ
ИЗ ШИШУНОВ**

Сказка для детей и их родителей

Дмитрий Кудрец
Шишуня из Шишунов. Сказка
для детей и их родителей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39286443
ISBN 9785449009067

Аннотация

Жизнь в семье Ромашкиных текла спокойно и размеренно до тех пор, пока у них в доме не появилась самая настоящая кикимора. И их спокойной жизни пришел конец. И это все в канун Нового года.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Шишуня из Шишунов

Сказка для детей

и их родителей

Дмитрий Кудрец

© Дмитрий Кудрец, 2017

ISBN 978-5-4490-0906-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Откуда оно взялось, и что это за существо в семействе Ромашкиных не имели ни малейшего представления. Оно появилось под утро, испугав до полусмерти маму Ромашкину, которая, едва поднявшись с постели, отправилась на кухню сварить себе чашечку кофе. Каково же было ее удивление, когда она увидела возле раскрытого холодильника неведомое создание. Оно сидело на полу и, с аппетитом уплетая сосиски, что-то ворчало себе под нос. От неожиданности мама Ромашкина вскрикнула. Услышав мамин возглас, существо перестало жевать и, удивленно захлопав глазами, произнесло:

– Чаво шумишь? Людей разбудишь.

Оттого, что существо оказалось еще и говорящим, мама Ромашкина закричала еще громче и, схватив веник, попыталась отогнать непрошенную гостью от холодильника, на что та лишь недовольно зашипела. На мамин крик на кухню прибежала вся семья Ромашкиных – папа и десятилетняя дочка Настя.

– Что случилось? – обратился к маме ничего не понимающий папа.

– Сам посмотри, – мама указала на существо, которое, не смотря на то, что только что получила веником, все равно продолжала лопать сосиски из холодильника Ромашкиных.

– Кто это? – папа удивленно разгадывал неизвестное создание. – Крыса?

– Сам ты крыса! – огрызнулось существо. – Я Шишуня. Шишуня из Шишунов.

– Шишуня? – родители ошеломленно переглянулись.

И только Настя сохраняла полное спокойствие. Подойдя поближе, она присела на корточки и с любопытством разглядывала поедательницу сосисок. Неизвестное создание было ростом чуть выше табуретки и напоминало старинную самодельную куклу. На ногах у создания были обуты крохотные лапотки, сплетенные из березовой коры. Платье было потрепанным и все в заплатках, а на вязаном шерстяном платке местами виднелись дырки. Маленькие зеленые глазки, нос картошкой на давно немытом лице, рыжая взъерошенная шевелюра на непомерно большой голове, никогда не знавшая расчески. Вдобавок от неизвестного существа пахло болотом и тиной. Оно сидело на полу, вытянув ноги, и усердно запихивало в рот сосиску.

– Ты кто? – Настя обратилась к гостю.

– Ты чаво? Глухая? – существо недоуменно захлопало глазами. – Я ж вам сказала. Шишуня я. Шишуня из Шишунов.

– Шишуня? – переспросила Настя.

– Она самая, – подтвердило существо, принимаясь за очередную сосиску.

– Я про таких зверей не слышала, – задумчиво произнесла Настя.

– Мало про чаво ты не слышала! – Шишуня икнула. По-видимому, она съела слишком много сосисок.

– Настя, – строго произнесла мама. – Держись от нее подальше. Этот зверь может быть опасен.

– Сама ты опасная! – огрызнулась Шишуня. – Да и не зверь я вовсе. Кикимора я. Что ни на есть всамделишная кикимора. Из Шишунов.

– А где это Шишуны? – спросила Настя.

– Не где энтю, – поправила Шишуня. – А кто энтю. Шишуны – это болотные кикиморы.

– А разве есть еще и другие?

– А как же! – воскликнула Шишуня. – Конечно же есть. И рячные. Я лясные. И даже полявые.

– Ну, хватит! – рассерженная мама Ромашкина захлопнула дверь холодильника прямо перед носом незваной гостьи. – С меня довольно! Сегодня выходной и я хочу как следует отдохнуть.

– Так отдыхай, – беззаботно проговорила кикимора. – Кто ж тебе не дать?

– Ты не даешь! – вскричала мама.

– Энтю как это? – удивилась Шишуня.

– А вот так это! – мама передразнила Шишуню. – Я прихожу к себе на кухню и что я там вижу? Неизвестно кто ест мои сосиски.

– Я не известно кто, – снова поправила Шишуня. – Я Шишуня. Можете звать меня Шишей, коли желаете.

– Я желаю, чтобы ты поскорее убралась отсюда! – мама не была расположена к разговорам с кикиморой. – Паша, скажи ей!

Мама строго взглянула на папу, который все это время стоял у двери и зевал.

– Что сказать? – папа опять зевнул.

– Вот так всегда! – возмутилась мама. – Когда нужно принять решение, ты только зеваешь. Выгони эту пакость вон! Я не желаю больше ее видеть в своем доме! Я хочу, в конце концов, выпить чашечку кофе.

– Ну так пей, – Шишуня отодвинула в сторонку, давая маме Ромашкиной возможность пройти к плите. – Кричать-то чаво?

– Послушай! – мама рассердилась не на шутку. – Ты врываешься в мой дом! Ешь мои сосиски и еще возмущаешься при этом!

– А чаво? – Шишуня недоуменно хлопала глазами. – Ну-ра у вас теплая, просторная. Места всем хватает. Вот у вас и перебыюсь до весны.

– До весны?! – взбунтовалась мама. – Ну уж нет! Паша! Сейчас же вышвырни эту мерзость за дверь!

Мама была настроена решительно. Папа Ромашкин, не желая спорить, послушно шагнул к кикиморе. Та опять недовольно зашипела. Папа в нерешительности замер. С одной стороны он не знал, как подступиться, а с другой стороны он не мог послушаться мамы. Заметив папину заминку,

Шишуня поднялась с пола и заковыляла на своих коротеньких кривых ножках к выходу.

– Не надо меня вышвыривать! – обиженно пробормотала она. – Я и сама могу пойтить. Не жалаите, кабы я у вас жила, так и не надо! Больно и хотелось!

Вся семья Ромашкиных направилась следом за Шишуней. Проходя мимо распахнутой в зал двери, Шишуня из любопытства заглянула в комнату. Оценила обстановку и остановилась.

– Что еще? – мама торопилась выпроводить кикимору из дома.

– Ничаво, – грустно вздохнула Шишуня и заковыляла дальше. – Живут как баре, а бедной кикиморе и места жалко. А сколько мне надоть того места? Уголок, закуток и все. Я ить и на полу могу поспать.

Но мама не слушала Шишуннины ворчания. Она открыла входную дверь и ждала, когда этот утренний кошмар закончится. Шишуня с поникшей головой доковыляла до двери.

– Значицца гоните?

Мама ничего не сказала. Она кивнула на дверь.

– Мама, пусть она останется, – Насте стало немного жаль незваной нахальной гостыи. – Куда она пойдет? На улице ведь холодно. Пап, ну что ты молчишь?

– А что сказать? – папе Ромашкину было все равно. Ему поскорее хотелось вернуться в теплую постель.

– Мам? – Настя умоляюще смотрела на мать. – Пусть она

остается.

– Нет, нет и еще раз нет! – категорично произнесла мама Ромашкиных.

– Но почему? – не унималась Настя.

– Потому что диким животным не место в городской квартире.

– Сама ты дикая! – огрызнулась Шишуня и вдруг, шлепнувшись на пол, запричитала. – Бедная я! Разнесчастная! И никому я не надобная! И никто меня не любить! Что же мне теперича на улицу идтить? На мороз? На холод? На голод? Так ить погибну я там! Помру! Замерзну! И поминай, как звали! И никто ить не вспомнить, что была така Шишуня! Шишуня из Шишунов!

Кикимора рыдала так жалостливо, так надрывно, что маме Ромашкиных стало ее жалко.

– Ну хорошо, – смягчилась она. – Если тебе на самом деле некуда идти, то можешь остаться у нас. На некоторое время.

– Вот и добренько! – воскликнула Шишуня, растирая слезы по своей и без того чумазой мордочке. – А я таки знала, что вы меня оставите. Да и кто б отказался заиметь у себя самделишнюю кикимору? Да не каку-нибудь там, а из самих Шишунов. А я так много места у вас и не займу. Где-нибудь в уголке, в закуточке пристроюсь. Вот и перезимую.

– Где же мы тебя держать станем? – мама Ромашкина ломала голову над тем, что бы приспособить под жилье для нового обитателя. Ее взгляд упал на старую коробку из-под те-

левизора, которую она давно просила папу выбросить, и у которого постоянно не доходили до этого руки. Шишуня тоже заметила, что мама как-то странно смотрит на коробку.

— Чаво энто? — защebetала она. — Вы меня в энто ящик замуровать жалаите? Я на энто не согласная! Не могу я в ящике жить. Да и кто согласится жить в ящике? Никто не согласится! Вот и я не согласная!

— Как это не согласна? — возмутилась мама. — Тебе же нужно где-то спать?

— Я люблю спать на кроватке, — продолжала щебетать Шишуня. — На мяконькой, тепленькой, с пяринкою, с одеяльцем, с подушечкой.

— Где же я тебе возьму кроватку? — мама уже сожалела о своем решении оставить кикимору у себя дома.

— А у меня есть подходящая, — предложила свои услуги Настя. — От куклы. Я думаю, она Шишуне будет в самый раз. Пойдем, покажу.

— Пойдем, — мотнула головой Шишуня и с заносчивым видом прошла мимо ошарашенных утренним происшествием Ромашкиных вслед за Настей в ее комнату.

Настина комната была сплошь завалена различными игрушками, которые ей постоянно дарили не только папа и мама, но и ближайшие родственники. Здесь были плюшевые мишки, пушистые зайчики, симпатичные собачки и резиновые слоны. Под кровать были засунуты коробки с конструкторами, половину из которых Настя ни разу не откры-

ла. В углу, в коробке из-под микроволновой печи были сложены мозаики, домино, шашки, шахматы. Но особой Настинной гордостью были куклы. Большие и маленькие. Длинноногие Барби и смешные пупсы. Аккуратно расставленные и рассаженные по всей комнате они удивленно смотрели вокруг себя цветными пластиковыми глазами.

Войдя в комнату, Шишуня тут же направилась к дивану, возле которого был оборудован кукольный домик. Вернее это был не домик, а всего лишь одна комната с кроватью, шкафом, столиком и парой стульев. Шишуня тут же примерилась к кровати.

– Ничаво, – проговорила она, присаживаясь на кукольную кроватку. – Только жестковато маленечко. А так ничаво. Сойдет.

– Располагайся, – на правах заботливой хозяйки сказала Настя.

– А пяринки нетути? – Шишуня потрогала рукой жестковатый матрас на кукольной кроватке.

– Перины нет, – улыбнулась Настя. Ее веселило то, как Шишуня коверкает слова.

– Жалко! – огорченно вздохнула Шишуня. – Ну и так сой-дет. Главное, что в тепле и в святле. Да и кроватка аккурат по моему росту.

Шишуня еще раз примерилась к новой постели, затем встала и с важным видом стала расхаживать по комнате, внимательно рассматривая обстановку. Заметив на диване сине-

го зайца, Шишуня всплеснула руками:

– Батюшки родные! Энто ишшо за звярушка?

– Это же заяц! – удивленно воскликнула Настя. – Ты что никогда зайцев не видела?

– Чаво энто не видела? Видела. Только зайцы они все серыи или рыжии. А энтот синий. Нет, – недовольно протянула Шишуня. – Не заяц энто. Не заяц.

– Возможно ты и права, – согласилась Настя.

– Ну как вы тут? – в дверях комнаты показалась мама Ромашкина.

– Хорошо, – ответила Настя.

– Тогда мойте руки и идите за стол. Завтрак уже готов, – мама скрылась за дверью.

– Пойдем завтракать? – Настя направилась к выходу.

– Не-а! – отмахнулась Шишуня. – Ты иди себе. А я туточки подожду. Я уже наелась.

Шишуня довольно погладила себя по круглому брюшку.

– Ну как хочешь, – Настя отправилась на кухню, оставив гостью обживаться на новом месте.

На завтрак мама приготовила овсяную кашу, которую Настя терпеть не могла. Сама же мама на завтрак пила только кофе. Папу же ни овсянка, ни кофе не прельщали. Он любил поесть плотно и много. Но сегодня есть было нечего. Все сосиски съела Шишуня, а в магазин мама Ромашкиных еще не ходила. И папе пришлось довольствоваться обыкновенной яичницей, в которую он для вкуса добавил томатной пас-

ты. Настя, посматривая, как папа уминает дымящуюся глазунью, нехотя ковырялась ложкой в остывающей каше.

– Ешь быстрее, а то остынет! – строго произнесла мама, размешивая сахар в чашке.

– Я не люблю овсянку, – нахмурилась Настя.

– Овсянку нужно есть, – сказал папа. – Там много витаминов.

– А почему вы тогда ее сами не едите? – удивилась Настя.

– Потому что мы взрослые, – ответила мама.

– Ах! – мечтательно произнесла Настя. – Как бы я хотела поскорее стать взрослой. Я бы могла есть на завтрак все, что захотела бы, а не эту противную овсянку.

– Ну до этого еще далеко, – мама допила свой кофе и направилась к раковине мыть чашку. – А пока ешь, и не разговаривай.

– Ну как тебе твоя новая соседка по комнате? – папа Ромашкин с аппетитом уплетал яичницу.

– Ничего, – ответила Настя. – Странная она. Разговаривает смешно. Вроде бы и по-нашему, а половина слов непонятна.

– Что ж тут странного? – удивился папа. – Она ведь в болоте жила.

– А мы когда в деревне были, – продолжила Настя. – На болоте никаких кикимор не видели. Там только лягушки встречались.

– Ну! – многозначительно протянул папа, не зная, что от-

ветить. – Наверное, она в таком болоте жила, до которого люди не добрались.

– А почему она тогда людей не боится? – не унималась Настя. – И почему она разговаривает?

– Ты задаешь слишком много вопросов, – мама принялась готовить обед.

– И все же? – Насе хотелось узнать побольше. – Ведь все говорят, что кикиморы только в сказках бывают.

– Получается, что не только в сказках, – папа растерянно пожал плечами.

– Я все понимаю, – мама все никак не могла успокоиться. – В нашей жизни возможно все. И кикиморы, и лешие, и домовые. Но почему она выбрала именно нашу квартиру? Разве она не могла пойти к соседям? Или еще к кому-нибудь. Почему она пришла именно к нам?

– На этот вопрос я не могу ответить, – папа разделался с завтраком и подал маме грязную тарелку. Мама, не глядя, поставила ее в раковину.

– Напрасно я согласилась оставить ее у нас, – продолжала сетовать мама Ромашкиных. – Чует мое сердце, что мы с этой кикиморой наедемся.

– Да что она может сделать? – удивился папа Ромашкиных. – Она ведь такая маленькая, безобидная.

– Так уж и безобидная! – вспыхнула мама. – А кто все сосиски съел?

– Наверное, ей просто очень хотелось есть, – заступилась

Настя за Шишуню.

– Могла бы съесть что-нибудь другое! – маминому возмущению не было предела. – Что я теперь к макаронам подам?

– Там же еще оставались котлеты, – посоветовал папа.

– Котлеты? – мама Ромашкиных строго посмотрела на папу. – Котлеты вы съели еще вчера. У кого привычка есть по ночам?

– Похоже не у одного меня, – папа намекал на Шишуню. – Но ведь макароны можно есть и без сосисок. С сыром, например, или с кетчупом.

– Я люблю макароны с кетчупом, – вставила свое слово Настя.

– Ты лучше ешь свою овсянку! – мама нервничала. – Мне посуду мыть нужно.

Настя замолчала и тоскливо посмотрела на нетронутую кашу, есть которую ей совершенно не хотелось. Вот если бы мама сейчас вышла из кухни, то можно было бы выбросить кашу в мусорное ведро. Но мама никуда не собиралась уходить. Просить же папу помочь справиться с кашей, тоже было бесполезно. Папа Ромашкин еще больше Насти не любил овсянку. Выхода не было и Настя, зажмурившись, поднесла ложку с кашей ко рту. В это время из Настиной комнаты раздался страшный грохот. Семья Ромашкиных тут же поспешила на шум.

Посреди Настиной комнаты в куче книг, игрушек, разбитых вазонов с цветами недоуменно хлопала глазами Шишу-

ня. Как только в дверях появились перепуганные Ромашкины, она сразу же заверещала:

– А я чаво? Я ничаво. Я хотела тряпочку взять, чтоб на кроватку постелить, а воно как рухнет! Я так перепугалась! Так перепугалась!

Шишуня кивала в сторону книжной полки, которая болталась на одном гвозде. Скорее всего, кикимора полезла за чем-то на полку, а та не выдержала и сорвалась.

– Ты не ушиблась? – Настя подскочила к Шишуне.

– Да нам не привыкать! – отмахнулась Шишуня. – Я и не с такой вышины падала. Было дело.

– Да! – усмехнулся папа, глядя на разбитые цветочные горшки. – Порядок тут придется долго наводить.

– А я вас предупреждала! – строго сказала мама. – Мы с этой кикиморой еще намаемся.

Сказала и отправилась на кухню готовить обед. А Настя с папой принялись за уборку. Папа вешал на место полку, а Настя разбирала книги и игрушки. Шишуня, чтобы не мешать, забилась в свой уголок и искоса наблюдала за тем, как Настя расправляется со следами погрома. Когда полка была водворена на место, а книги и игрушки были расставлены по своим местам, папа отправился на кухню помогать маме, а Настя принялась убирать землю из цветочных горшков. Притащив из соседней комнаты пылесос, она включила его в розетку и нажала выключатель. Пылесос загудел и стал всасывать в себя остатки земли и растений. Услышав рев

неведомой машины, Шишуня поспешила юркнуть под диван и заголосила:

– Батюшки родные! Да одкель он взялся то? Его ж, сдается, убили!

– Кого убили? – не поняла Настя и выключила пылесос.

– Как кого? – Шишуня высунулась из-под дивана и опасно посмотрела на пылесос. – Змея Горыныча. А вон нет. Живой. Только что энто он на себя не похож стал? Истошал, наверное.

Настя догадалась, о чем идет речь, и засмеялась:

– Это не Змей Горыныч. Это пылесос. Машина такая, чтобы мусор убирать. Вот смотри.

И Настя опять нажала на кнопку. Пылесос снова заревел, а Шишуня снова скрылась под диваном.

– Чаво энто твоя машина все в себя сосет? – донеслось из-под дивана – Так ить она и меня засосать может. И поминай, как звали. Бедная, разнесчастная Шишунечка. И почто меня извести хочут? Почто меня со свету сжить хочут? Я ведь никому ничаво худого не делала!

Не обращая внимания на Шишунины возгласы, Настя продолжала убирать в комнате. Когда с мусором было покончено, Настя выключила пылесос и отнесла его обратно. Вернувшись в комнату, она застала Шишуню сидящей на подоконнике. Кикимора болтала ножками и задумчиво глядела в окно.

– Что ты там увидела? – поинтересовалась Настя, приса-

живаясь рядом.

– Чаво увидела? – грустно вздохнула Шишуня. – Да ничаво особливого. Снег кругом. Деревья голыя. Бр-р.

Шишуня поежилась.

– Ты что не любишь зиму? – удивленно спросила Настя.

– Так кто ж ее любить? Зима – не лето. Холодно, противно. В лясу ни грибов нетути, ни ягод.

– А я зиму люблю, – заметила Настя.

– За что ж ее любить? – не понимала Шишуня.

– Зимой можно кататься на лыжах, – стала пояснять Настя своей гостье. – На коньках. Зимой бывает самый чудесный праздник в году.

– Какой-такой праздник? – переспросила Шишуня.

– Новый год. А у вас в лесу празднуют Новый год?

– Ну, во-первых, не в лясу, а в болоте, – поправила Шишуня. – А во-вторых, нам там не до праздников. Надо грибы-ягоды собирать, коряшки-травки всякия, к зиме готовиться. Нетути у нас праздников.

Шишуня замолчала. Какое-то время они с Настей молча смотрели в окно, за которым медленно падал белый легкий снег. Падал и ложился на голые ветки деревьев, на проходивших мимо людей, на проносившиеся с шумом машины. Погода была отличная, светило яркое солнышко и оттого белый снег казался еще белее, еще чище.

– Настя! – раздался из кухни мамин голос. – Иди обедать. И кикимору тоже зови.

– Нас зовут, – Настя слезла с подоконника. – Или ты опять не будешь есть?

– Чаво энто не буду? – Шишуня ловко прыгнула на пол. – Еще как буду. Что-что, а поесть я никогда не откажуся.

И Шишуня засеменила следом за Настей на кухню.

– Руки вымыли? – спросила мама, наливая суп в тарелки.

– Вымыли, – хотела солгать Настя, но, встретив строгий мамин взгляд, повернулась и направилась в ванную.

– Ты куда? – спросила Шишуня.

– Руки мыть, – ответила Настя. – И тебе не мешало бы помыться.

– Еще чаво! – вспыхнула Шишуня. – Я ж не пачкалась. Чаво зря мыться? Да и за водой лень идтить.

– Никуда идти не нужно, – Настя открыла дверь ванной. – К нам вода сама приходит.

– Как энто? – не поняла Шишуня.

– А вот так, – Настя открыла кран и в раковину тоненькой струйкой побежала вода.

– Батюшки родные! – всплеснула руками Шишуня. – Ручей в доме. Ну и чудяса!

Пока Настя мыла руки, Шишуня успела облазить всю ванную. Она даже умудрилась попробовать на вкус кусок мыла. Мыло оказалось несъедобным и Шишуня долго отплевывалась.

– Пакость кака! Пахнет земляникой, а на вкус – тьфу! И занчем вам эта дрянь?

Шишуня попыталась забросить кусок мыла под ванную, но Настя успела выхватить его из рук кикиморы.

– Ты что? Это же мыло. Им руки моют.

– А разве без этой дряни нельзя помыться? Я, к примеру, водой моюся.

– Настя! – снова слышался из кухни мамин голос. – Ты скоро?

– Уже иду! – Настя вытерла руки полотенцем. – А ты? Будешь мыться?

– Не-а! – отрицательно покачала головой кикимора. – Я чистая.

– Ну как хочешь, – Настя закрыла кран и пошла на кухню. Шишуня побежала следом.

Папа с мамой уже сидели за столом. Настя села на свое место, Шишуня осмотрелась по сторонам.

– А где мое место?

– Вон там, – мама кивнула на мисочку, стоявшую на полу возле холодильника.

– Чаво энто? – возмутилась Шишуня. – Я на полу есть буду? Я вам что? Собака кака-нибудь? Или звярушка? Я не привыкши с полу есть. Я привыкши есть за столом.

– Я же не могу пустить тебя за стол, – возразила мама Ромашкиных.

– Чаво энто? – не понимала Шишуня. – Я у себя в болоте всегда за столом ела! И тут за столом жалаю!

– Нет! – мама стояла на своем. – За стол я тебя не пущу!

– Ах, я бедна! Ах, я несчастна! – заголосила Шишуня. – Места мне нетути! Сиротинушка я разнесчастлива! Доля моя горька! Меня с полу ести заставляют! И за что мне энти напасти?

– Мама, – Насте стало жалко кикимору. – Пусть она за столом ест. Вместе со всеми.

– Ни за что! – ответила мама.

Шишуня заголосила еще громче.

– Ну пусть она ест вместе со всеми, – вступился за кикимору папа. – Лишь бы молчала.

– Но от нее воняет! – противилась мама.

– Как энтэ воняит? – Шишуня перестала голосить. – И во все не воняит! Ну разве что болотом. Так Шишуны все болотом пахнут. А я чистая. Я в прошлом году мылася!

– Хорошо, – согласилась мама, понимая, что Шишуня не успокоится, пока не сядет за стол. – Я пушу тебя за стол, но только при одном условии.

– Каком условии? – в один голос спросили Шишуня, Настя и папа.

– Если ты будешь вести себя прилично, – мама переставила Шишунину мисочку с пола на стол.

– А когда же я энтэ себя вяла неприлично? – Шишуня вскарабкалась на табуретку. – Я себя завсегда прилично вяду. Я из всех Шишунов самая приличная.

И, схватив, ложку, Шишуня стала уплетать за обе щеки гороховый суп, громко чавкая и разбрызгивая его вокруг се-

бя. Папа с мамой молча переглянулись. Настя, чтобы не отстать от Шишуня тоже стала ложка за ложкой наворачивать горячий суп.

– Осторожно! – остановила ее мама. – Обожжешься.

– А добавки нетути? – Шишуня уже расправилась со своей порцией.

– Ты любишь гороховый суп? – мама налила Шишуне еще супа.

– А кто его не любить-то? – улыбнулась Шишуня и снова принялась за еду. Вскоре она разделалась и со второй тарелкой. А мама уже раскладывала макароны. Сосиски были съедены еще утром, и маме Ромашкиных ничего не оставалось делать, как подать их с маслом, сыром, густо приправив их кетчупом.

– Ой! – изумленно воскликнула Шишуня. – Энто что? Червяки?

– Да какие же это червяки? – улыбнулась Настя. – Это макароны.

– Макароны? – опасливо переспросила Шишуня. – А они съедобныя?

– Съедобные, – заверила ее Настя, отправляя макароны в рот.

– Подозрительная еда, – Шишуня подцепила одну из макаронин и внимательно посмотрела на нее. – Непривычная.

– Придется привыкать, – усмехнулся папа Ромашкиных. – Если хочешь у нас остаться.

Шишуня ничего не ответила. Посмотрев, как Настя с аппетитом уплетает макароны, она зажмурилась и запихнула макаронину в рот.

– А ничаво! – Шишуня облизнулась. – Есть можно.

И она стала запихивать макароны в рот.

– Не торопись, подавишься, – посоветовала ей Настя.

– Не подавлюсь! – с набитым ртом проговорила Шишуня, отправляя в рот новую порцию макарон.

Настя с папой улыбнулись, и только маме Ромашкиных было не до веселья. Шишуня вела себя ужасно. Мало того, что она вся перепачкалась кетчупом, она умудрилась заляпать им скатерть и разбросать по всей кухне макароны. Мама только тяжело вздыхала. Ей казалось, что это все лишь дурной сон, который скоро закончится. Но это был не сон. Это была самая настоящая реальность. И на кухне Ромашкиных сидела самая настоящая кикимора из болота, которая сопела, пищала и давилась макаронами.

После обеда мама стала убирать погром на кухне, оставленный гостьей. Папа отправился смотреть телевизор, а Настя с Шишуней вернулись к себе в комнату.

– Ох, как я налопалась! – Шишуня завалилась на свою кровать и теперь, вздыхая и охая, поглаживала себя по животу. – Теперича и поспать можно.

– Ты любишь спать днем? – удивилась Настя, доставая с полки книжку.

– Так оно после обеда даже полезно, – заметила Шишуня

и зевнула. — А ты чаво? Днем не спишь?

— Не сплю, — ответила Настя. — Я уже большая.

— Так уж и больша! — Шишуня опять зевнула. — Тебе сколько годочков то?

— Десять.

— Во! — протянула Шишуня. — Только ить?

— А тебе сколько?

— Мне? — Шишуня задумалась. — А кто его знать? Я считала как-то, а потом сбилась. Да и занчем мне знать-то сколько мне годов? Годом больше, годом меньше. От этого все равно ничего не изменится.

Шишуня повернулась на бочок и, укрывшись с головой кукольным одеялом, задремала. Настя принялась читать книжку. Шишуня во сне постоянно ворочалась, причмокивала губами и что-то бормотала. Настя отложила книжку в сторону и, поправив на Шишуне одеяльце, отправилась смотреть телевизор.

Остаток дня прошел без приключений. Шишуня проспала до самого вечера. Не проснулась она, даже когда ее позвали ужинать. Она лишь перевернулась на другой бок и что-то невнятно пробурчала. Будить ее не стали. Пусть себе спит. По крайней мере, не придется убирать грязь на кухне после ужина. За ужином мама опять завела разговор про кикимору.

— Напрасно я согласилась оставить это создание у нас в доме, — озабоченно вздыхала она. — От нее только одни непри-

ятности.

– Какие неприятности? – не понимал папа. – Она ничего такого не делала.

– Как не делала? – возмутилась мама. – А кто свалил полку с книжками? А кто разбил цветочный горшок? А кто покусал мыло в ванной? Да и убирать после нее каждый раз я не намерена.

– Я буду убирать, – предложила Настя.

– Ты и за собой иногда убрать не можешь! – возразила мама.

– Но все-таки нам повезло, – вставил свое слово папа.

– В чем это? – удивилась мама.

– Подумать только! – рассуждал папа Ромашкиных. – У нас в доме завелось никому ранее неизвестное существо. Это, можно сказать, открытие для всей мировой науки! Кикиморы, оказываются, существуют на самом деле. Кому рассказать – не поверят.

– И правильно сделают, – заметила мама Ромашкиных. – Но мы никому и не будем рассказывать.

– Это почему? – удивилась Настя.

– Потому! – мама удручающе вздохнула. – Ну, во-первых, нам все равно никто не поверит. А во-вторых, вы представляете, какая у нас начнется жизнь?

– Какая? – заинтриговано спросил папа.

– А такая, – мама принялась мыть посуду. – Наедет куча телевизионщиков, куча ученых со всего света. Начнут рас-

спрашивать, разнюхивать. Натопчут, наследят. А мне потом все это убирать? Ну уж нет! Я на это не согласна!

– И даже в школе никому нельзя рассказать? – огорченно спросила Настя.

– И даже в школе! – твердо произнесла мама. – Если ты не хочешь, чтобы тебя считали фантазеркой и выдумщицей.

Настя попыталась найти поддержку у папы, но тот лишь растерянно пожал плечами. Спросить с мамой было бесполезно, и все согласились на том, что появление кикиморы в доме будет всеобщей тайной. На этом семейство Ромашкиных и отправилось спать.

Настя расстелила диван и юкнула под одеяло. Шишуня все еще спала, булькая и бормоча себе под нос. Погасив свет, Настя долго не могла уснуть. Ей до сих пор не верилось, что рядом с ней на кукольной кровати сопит странное создание, о которых она читала только в сказках. Но это была не сказка. Это была самая настоящая кикимора, которую звали Шишуня из Шишунов.

Глава вторая

Утром семья Ромашкиных суетливо носилась по квартире. Маме с папой нужно было идти на работу, а Насте в школу. Заведенный с вечера будильник отчего-то не прозвенел, и все проспали. Проснулись, когда уже было начало восьмого. Вскочив с кровати, мама Ромашкина тотчас бросилась в ванную, приводить себя в порядок, по пути растолкав Настю, которой совершенно не хотелось вставать. Папа Ромашкин отправился на кухню, чтобы поставить чайник.

– Какой чайник? – возмутилась мама Ромашкиных. – Мы итак опаздываем! Настя! Хватил валяться в постели! В школу опоздаешь!

– А нельзя мне сегодня прогулять школу? – Настя сладко перевернулась на другой бок.

– Вот еще новости! – мама выскочила из ванной и стащила одеяло с дочери. Волей-неволей Насте пришлось вставать и собираться в школу.

– Что ты там копаешься? – мама стремительно летала по квартире, на ходу крася глаза и губы. – Ступай в ванную!

– Там застрял папа, – произнесла Настя, дергая ручку запертой изнутри ванной.

– Тогда одевайся! – скомандовала мама.

– Но ведь сначала нужно умыться и позавтракать, – пыталась возразить Настя.

– Хватит мне разговоров! Мы опаздываем! – мама пыталась застегнуть непослушную молнию на сапоге, но ей это никак не удавалось.

Вот из ванной появился папа. От него пахло мыльной пеной и одеколоном. Настя юркнула в ванную и нехотя открыла кран.

– И почему каждый день нужно умываться?

– Ты скоро там? – послышался мамин голос.

– Уже иду! – Настя ополоснула руки под струей воды и, вытерев их полотенцем, отправилась на кухню.

– А где завтрак? – удивленно посмотрела она на пустой стол.

– Какой завтрак? В школе перекусишь! – воскликнула мама. Ей, наконец, удалось справиться с молнией на сапоге. – Мы опаздываем! Одевайся поскорее!

Настя нехотя направилась в свою комнату одеваться. Мама торопила ее. Папа тоже был немного не в настроении. Он, как и все Ромашкины остался сегодня без завтрака, а это для него было святым делом. Запихнув на ходу кусок хлеба в рот, папа Ромашкин выскочил за дверь. Мама Ромашкина подталкивала Настю.

– Да скорее, копуша!

– Я не копуша, – Настя сбрасывала в портфель учебники.

– Сколько раз говорила тебе, что собираться нужно с вечера, – мама нетерпеливо посматривала на часы.

– Я не успела, – оправдывалась Настя. – И нечего злиться.

Я же не виновата, что вы проспали.

— Не виновата! — мама всплеснула руками. — Ты никогда и ни в чем не виновата! Ну, ты готова?

— Готова! — Настя вскинула тяжеленный портфель на плечо и вышла в прихожую. Мама Ромашкина в считанные секунды надела на Настю сапоги, шубу, шапку и вытолкнула ее перед собой за дверь.

О том, что в их квартире появился новый обитатель, Ромашкины в это суматошное утро даже и не вспомнили.

Первая вспомнила о новом жильце Настя, когда вернулась из школы. В квартире царил ужасный беспорядок, как будто здесь только что пронесся ураган или было землетрясение. Повсюду были разбросаны вещи, валялись осколки разбитой посуды, обрывки газет. Вся мебель была сдвинута со своих мест. Из ванной в прихожую бежала вода, разливаясь огромной лужей по ковровой дорожке. На люстре в зале болтался сломанный папин зонтик. На кухне был полный бардак. Все припасы из холодильника и из шкафчиков были свалены в кучу на кухонном столе. На газовой плите стоял раскалившийся чайник с оплавившейся ручкой. Чайник надрывно гудел, разбрасывая в разные стороны осколки отваливавшейся эмали.

Осторожно, чтобы ее не задела горячие осколки, Настя пробралась к плите и выключила конфорку. Она едва не поскользнулась на разлитом кетчупе, бутылка от которого валялась тут же на полу. Содержимое мусорного ведра было

выворочено на пол, и возле него ползали неизвестно откуда взявшиеся тараканы.

– Шишуня! – воскликнула Настя, вспомнив про вчерашнюю гостью. – Как же я про нее забыла!

И Настя бросилась в свою комнату. К ее удивлению, в комнате был порядок. Кикимора, устроив погром по всей квартире, ничего не тронула в комнате Насти, если не считать вытащенных из-под дивана коробок с конструктором. Самой же хозяйственницы беспорядка нигде не было видно.

– Шишуня! – позвала Настя, пристально оглядываясь по углам. – Ты где?

– Тута я! – раздался приглушенный голос.

Настя удивленно осматривалась по сторонам, пытаясь понять, откуда доносится голос.

– Где ты? Я тебя не вижу.

– Да туточки я! – пицала в ответ Шишуня.

– Да где тут? – не понимала Настя.

– Да в какой-то будке! Я думала – энто домик чей-то. Влезла в него. А он – шась и захлопнулси.

Настя наконец-то сообразила, откуда раздавался голос проказницы. Она направилась в ванную, где в стиральной машине застряла перепуганная до смерти кикимора.

– И как ты туда попала? – удивлялась Настя, открывая стеклянную дверцу машины.

– Я ж тебе и говорю, – пыхтела Шишуня, довольная своим скорым освобождением. – Гляжу – дом с окном. Раз окно –

значить там кто живет. Ну, я влезла, а она хлоп – и закрылась. Я употела вся. Тесно там и душно. И занчем вам энта будка?

– Это не будка, – пояснила Настя. – А стиральная машина.

– Энто ишшо для чего? – удивилась Шишуня.

– Чтобы белье стирать. Кладешь туда грязное белье, нажимаешь кнопку, и машина сама белье стирает.

– Во как! – изумленно протянула кикимора. – А руками, значиться, уже лень стирать? Каку штуkenцию придумали! Я завсегда знала, что люди слишком ленивыи. Не то, что мы, кикиморы. Мы весь свой век руками стираем. Да и разве в энтот ящике грязь отстираешь? Тут же и потереть надоть, и прополоскать, и выкрутить как след.

Шишуня еще долго распространялась по поводу стирки белья, но Настя ее не слушала. Вооружившись веником и совком, она стала убирать следы Шишуниного пребывания в доме.

– Хорошо, что я рано из школы вернулась, – ворчала Настя, убирая осколки и обрывки газет. – Представляю себе, чтобы было, если бы она осталась одна до вечера. Хорошо, что мама с папой не увидят этого безобразия. Думаю, что они не обрадовались бы.

И Настя принялась наводить порядки, чтобы родители ничего не узнали. Шишуня какое-то время просто молча наблюдала за тем, как Настя приводит квартиру в прежнее состояние. Затем, осознав свою вину во всем этом беспорядке,

решила предложить свою помощь.

– Давай помогу, чё ли?

– А ты умеешь? – Настя недоверчиво посмотрела наковырявшуюся в носу кикимору.

– А чаво тут уметь? – невозмутимо ответила Шишуня. – Мяти себе веником да тряпкой три. Работа нехитрая. Я в своем болоте сколько раз в доме убиралась. Не успеешь, бывало, глаза продрать, как бабка веник в руки суеть. Иди, говорит, подмятай грязюку.

– Ну раз так, – недоверчиво согласилась Настя. – Бери веник, подметай ковер. А я пока на кухне приберусь.

– Эх, привычна работа! – Шишуня закатала рукава и, схватив веник, стала разметать грязь по всему ковру. При этом большую часть пыли и мусора она норовила замести под шкаф.

– Да кто ж так подметает! – воскликнула Настя, выскакивая из кухни. – Ты же всю грязь под шкаф заметаешь!

– А куды ж ее ишшо мести? – удивленно переспросила Шишуня. – Не по углам же разметать?

– Не по углам, а на совок. А потом в ведро высыпать.

– Вот ишшо! – Шишуня закрутила носом. – Ведро ить потом выносить надо. А кто выносить будит? На улице холодно, зябко. Я не пойду.

– Знаешь что, – Настя поняла, что помощник из Шишунни никудышный. – Ты лучше посиди на диване, пока я убираться буду. А чтобы тебе не скучно было, вот – книжку по-

смотри.

– С картинками?

– Конечно.

– Ну раз с картинками, тогда погляжу, – согласилась Шишуня и, схватив книжку вскарабкалась на диван.

Настя озабоченно вздохнула и снова отправилась на кухню. До прихода родителей оставалось не так уж и много времени, а в квартире все еще царил разгром. Засучив рукава, Настя принялась за уборку. Первым делом она собрала все осколки и обрывки газет, затем подмела пол во всей квартире, вытерла грязь и пыль и чисто вымыла полы. Шишуня все это время послушно сидела на диване и, что-то бормоча себе под нос, изредка высовывала кончик носа из книжки, чтобы посмотреть, как продвигается работа.

Вот, наконец, Настя управилась с погромом. Вылив грязную воду из ведра, она осмотрела квартиру. От бывшего кавардака не осталось и следа. Вокруг была чистота и порядок. И чтобы в квартире стало еще чище, Настя решила немного пропылесосить. Она включила пылесос в розетку и нажала кнопку. Как только машина издала гул, с Шишуней произошло что-то невообразимое. Отшвырнув книжку в сторону, она стремглав бросилась под диван и забилась в самый дальний угол.

– Рятуйте! – вопила она. – Мамочки! Папочки! Помогите! Настя поспешила выключить пылесос.

– Что случилось? – она недоуменно заглянула под диван,

где кикимора, обхватив голову руками, дрожала, словно осиновый лист. – Ты чего испугалась?

– Помогити! – продолжала вопить перепуганная Шишуня. – Опять энтот змей прилетел.

– Какой змей? – не понимала Настя.

– Как какой? – Шишуня приподняла голову и, ничего не услышав, немного осмелела. – Сам что ни наесть Змей Горыныч.

– Да ты что? – улыбнулась Настя. – Это же пылесос. Я тебе про него вчера рассказывала.

– А я и забыла ужо, – Шишуня немного успокоилась.

– Пылесос – это такая машина, – терпеливо поясняла Настя. – Которая помогает убираться в доме.

– Гляди-ка! – усмехнулась Шишуня. – А я думала, что энтот опять Змей прилетел.

– Ну что ты, – успокаивала Настя кикимору. – Змей Горыныч только в сказках бывает.

– В каких ишшо сказках? – Шишуня недоверчиво косилась на пылесос. – Моя бабка мне про Змея сказывала. А она врать не станет. Летит, говорит, пылом-жаром пышет, все, что ни на есть живое хватать и жреть.

– Ест, – исправила Настя. – Нужно говорить есть, а не жреть.

– Да ладно! – отмахнулась Шишуня. – Как ни говори – все одно. Поймать и сожреть. То исть съесть.

– И все равно, – продолжала настаивать Настя. – Даже ес-

ли Змей Горыныч, как ты говоришь и есть, тебе его бояться нечего. К нам в квартиру он не попадет.

– Ага, не попадет, – Шишуня опасливо посмотрела по сторонам. – Стены у вас небось тонкия, кирпичныя? А чё яму стоять их сломать? Махнеть хвостом и все! Амба!

Настя улыбнулась. Шишуня говорила на странном языке, все время искажая слова, но Настя прекрасно ее понимала. Убрав пылесос на место, и еще раз осмотрев квартиру, Настя осталась довольна. От бывшего разгрома не осталось и следа, если не считать некоторых мелочей. Да прихода родителей оставалось совсем немного времени, и Настя решила сесть за уроки.

– Чем энто ты занимаешься? – Шишуня подошла к письменному столу и не без интереса заглянула в раскрытый учебник.

– Уроки делаю, – ответила Настя.

– Уроки? – недоуменно протянула кикимора. – А занчем?

– Чтобы много знать.

– Будешь много знать, скоро состаришься, – проговорила Шишуня.

– Так только глупые люди говорят, – отмахнулась Настя, не отрываясь от учебника.

– Ну как знаишь! – обиженно пропыхтела Шишуня и отойдя от стола, забралась на диван. Какое-то время она молча наблюдала за Настей, потом это ей надоело. Она слезла с дивана и стала расхаживать по комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.